

РАССКАЗЫ

НОМО ДЕУС

Столько надо успеть деду Макару за световой день. Побегать по лесу, подтянуться на турнике, окунуться в озеро (если лед, то пробить лунку), набрать воды из ключа; наварганить лепешек и кашу с сушеными овощами или суп, а если лето, то собрать свежий урожай и заготовить припасов; прибраться наскоро и узнать чего нового из книг. А как начнет темнеть, подойти к дубу на полянке у дома, обнять вековой морщинистый ствол, замереть на пару минут без дела да идти спать. Когда зима и ночь, накрыться одеялом или двумя, лечь поближе к теплой печке — сам собрал ее больше полувека назад, никогда не подводит, родная. И дрова всегда наготовлены, и исправно сменяется изумрудный, охровый и белый на деревьях вокруг, слава богу, и людей поблизости не видать. Только кузнечики трещат да какое животное пробежит изредка — далеко в чашобу забралась изба Макара.

Много дел — мало времени. Еще больше стараться приходится, когда навевается особенная гостья из города. Тогда Макар про спорт и учебу не вспоминает, а работу, запланированную на день, переделывает до обеда. Сидит, ждет на крылечке, и в снег тоже, наматывает длинную белую бороду на тонкую шершавую ладонь.

Вот она вырывается из чащи на машине, каждый год все более диковинной и обтекаемой, выпрыгивает, бежит по полянке — легкая, румяная, весенняя. Встанет у крылечка, а вокруг радуется воздух, даже если тучи или метель и солнца быть не может. Макар смотрит немного на гостью, тоже улыбаясь, глубже впечатывая давние морщины вокруг рта и глаз, потом зовет ее на озеро или в дом.

Старик называет ее Аннушкой. Сегодня солнечно и зелено, сидят они у воды, как всегда, то говорят о чем-то долго, то молчат. Макар кидает круглые камушки по облачной глади озера, поглядывает на девушку; та аккуратно сидит на иссиня-белой подстилке, теребит в руках поблескивающую палочку, смотрит то на старика, то на деревья вдаль. Уставать или хандрить, не быть веселой и общительной стыдно — но в своем секретном местечке она отключает все гаджеты, обмениваться энергией хочет только с природой и диковинным другом. В дремучем лесу, посреди опасных бактерий — коллеги и соседи посчитали бы бесстрашной или безумной, но не узнают. Лишь мерцает озеро и ласково улыбается ее мудрый друг: смотрит подолгу, потянет к ее плечу руку, но вовремя одумается и отдернет, возьмет еще один камушек с берега.

Рано или поздно разговор их сводится к вечному, Макар отчего-то закипает:

— Это тогда мы нашу страну слили к чертям! Где свобода личности, я спрашиваю? Где экология? Где равенство? В ауте, полном!

Дания Жанси родилась в Ташкенте. Печаталась в журналах «Прочтение», «Идель», «Казань», «ArtPrive». В 2018 году окончила летнюю школу по Creative Writing Оксфордского университета. В 2016–2019 годах проходила ряд онлайн- и очных курсов школы Creative Writing School Майи Кучерской. Пишет рассказы на русском и английском языках.

Девушка устало закатывает глаза к небу, прикрывает веки рукой, шепчет:

— Давай не будем. Смотри, какие облака красивые.

— Аннушка, скажи, ну разве нет? В полном же ауте страна! Планета в ауте!

— Я действительно не хочу... Но хорошо, если смотреть на факты, то никогда еще продолжительность жизни не достигала ста двадцати лет. — Девушка не любит таких разговоров.

— Только у горстки элиты! Расковыряли себе гормоны с желудком и живут припеваючи, травят природу-матушку дальше! — Старик почти кричит.

— Я тебя понимаю, — говорит Анна примирительно, тут же отчеканивает: — Но средняя продолжительность жизни достигает семидесяти пяти лет для всех без исключения. Высокое качество жизни, отсутствие болезней, наполненность каждого дня. В какой исторический период люди жили лучше, Макар?

— Слышал я ваши ля-ля! А если не в среднем? Впахивать до шестидесяти лет на химии, потом сразу помирать — вот ваше качество жизни для простых людей!

— Знаешь, я тоже не со всем согласна. Но ведь правда, — она смотрит не на Макара, а в глубь леса за озером, — кому-то больше нравится иметь силы и здоровье, чтобы зарабатывать и тратить деньги до самой смерти, чем располагать большим количеством бесполезного времени в болезнях и нищете.

Анне хочется иногда здесь, с Макаром, разрешить себе подумать по-другому, да и друг ее в чем-то прав... Но только она начинает нащупывать внутри тревожащую и трепещущую нотку, следует очередной выпад старика:

— Больше нравится, ну-ну... Эти черти травят нормальных людей и природу антибиотиками и гормонами, а сами живут до ста двадцати в своих горных дворцах и деградируют! Поубивать бы всех этих паразитов, а лучше отобрать все их таблетки и заставить трудиться, вон пусть от пластика рыбы кишки чистят!

— Перестань, пожалуйста... — Анна запинаясь, хочет добавить что-то теплое, вместо этого выпаливает, зная, что задевает друга, — это не твои компьютерные игры и не митинг за честные выборы — это настоящая жизнь, Макар.

Старик мнетя, начинает говорить, замолкает. Анна повторяет хорошо заученные формулировки:

— Люди всегда тратят свои ресурсы на здоровье. Кто-то может позволить себе подкорректироваться и перейти в высший класс А или Б, жить до ста двадцати лет. Кто-то не может и остается обычным человеком, как ты говоришь, но тоже до самой смерти не болеет и радуется жизни. А ты... ты вот вообще живешь в лесу, варишь себе суп и колешь дрова. У каждого свой выбор, — голос слегка колеблется, как рябь озера, затем становится глухим, как всплеск от тяжелого камня. — Я, может, и хотела бы узнать, какой я была бы бабушкой, может, хотела бы быть мамой. Но сделала свой выбор и несую за него ответственность.

Девушка замолкает: всегда больно думать, что класс А может не работать и иметь детей, а ей не положено. Зато на службе она прикрывает Макара и его заповедный лес. Старик тоже смотрит на озеро, молчит, голова наклонилась низко, почти втянута в плечи, взгляд под водой. Опять не сдержался, наверняка обидел единственную свою радость и друга.

И тут Анна (она так редко, но делает) протягивает белый мизинчик и осторожно обнимает им один из его пальцев, смотрит по-хулигански. Макар не шевелится, шепчет смущенно: «Тебе же нельзя, заболеешь». Посидят так немного, она еще пару раз сожмет мизинец на прощание и высвобождает руку. И минут пять со всех сторон светит на свои пальцы синей палочкой, улыбается виновато: «Прости». А он: «Да ничего, тебе же опасно: бактерии».

Потом, как обычно, идут в избушку, Макар накладывает себе каши или супа с травами, а его гостя садится за столом напротив, светит вокруг своей обеззараживающей палочкой, достает все из сумочки и запивает цветные капсулы водой из синей бутылки. Говорит зачем-то, раз третий или четвертый за последний год:

— Знаешь, я и правда думаю иногда, вот ушла бы к тебе в лес, — видя довольного друга, добавляет: — Кстати, похоже, ты единственный, кто питается всем этим... едой, как раньше, и не умирает от аллергий. Да еще и пышешь здоровьем. Фантастика.

— Тебе уже нельзя, родная. — Старик горько улыбается своей невозможной мечте. — Зато ты такая красивая, вот смотрю на тебя.

— Ты тоже, такой настоящий... мой единственный в мире, — шурит глаза, — дедушка. — Анна проводит пальцами рядом с его щекой, гладит воздух. — Смешно, мы все же дожили до девяноста лет, оба. Могли ли подумать, когда было по двадцать пять?

Он протягивает ладонь к ее руке и останавливает за несколько сантиметров, держит, не касаясь, говорит бережно:

— Родная, только не обижайся... Но никак не пойму, зачем ты работаешь на их пропаганду? Неужели твои привилегии и гладкая кожа — достойная плата за отказ жить своей жизнью... быть собой? Ты же часто повторяешь, что у каждого есть выбор. Плюнь ты на эти высшие классы, делай что-то важное для себя, если уж будешь теперь жить до ста двадцати... или сколько там получится — уходи ты отсюда.

Анна вскакивает, улыбается, излучая энергию здоровья и благополучия в лучших традициях своего министерства социализации и просвещения.

— Мне пора, — быстро идет к двери, бросает уже отсюда, как обычно: — Я не обижаюсь, кстати, просто мне пора, до скорого!

И она опять летит через чашу в свой город будущего, в жизнь, которую сама себе выбрала, шепчет в сторону избушки: «Класс А, класс Б... А как, по-твоему, мне разрешили оставаться замужем за тобой, мой родной?»

СТРАШНАЯ ПРАВДА ОБО МНЕ

В свои тридцать три я весьма дурашлива, игрива и легка. Не по возрасту, наверное, не по статусу, может отрезать кто-то из российских знакомых. И он прав. Пора уже набраться ума, гонору или хоть деловых костюмов. Выпрямить кудри, в конце концов. Но нет. (Хотя видел бы этот гипотетический знакомый наш гогочущий международный детсад на работе, пятидесятилетних Никки, Джонни и Пегги, по сравнению с которыми я до сих пор временами необщительная бука.)

По-настоящему серьезной я была лет в двадцать, когда только выпорхнула из института и очутилась в министерстве культуры одной небольшой республики, несколько месяцев работая помощником министра. Мои пиджак и волосы были тогда отутюжены и черны, обращались к нам по имени и отчеству, и мы (имя и отчество) без устали трудились в собственном кабинете с кожаными креслами, пальмой и портретом местного президента. Работа эта считалась невероятно престижной и досталась мне каким-то волшебным стечением обстоятельств, однако зарплаты хватало ровно на обеды в столовой министерства и такси до дома. Причем проводила я там каждый день с утра и до позднего вечера, кроме субботы, когда мы доделывали все недоделанное и работали по полдня, по воскресеньям иногда отдыхали. Сегодня, в этот апрельский вечер, я пишу эссе про свою страшную тайну, доедая тягучее пряное мороженое в арабском уличном ресторанчике, за ужином стоимостью... но вернемся к истории.

В том помпезно обставленном кабинете, помимо работы над бесконечными поручениями, я встречалась с людьми, которые хотели позже попасть на прием к министру.

Кого я только не увидела. И восьмидесятилетнюю арфистку, не приглашенную на юбилей филармонии, потому около получаса посвящавшую меня в гомоэротические склонности наших народных артистов (не в контексте огорчения, что пожилую даму не позвали на юбилей и не в переносном смысле их неэтичности, а в самом прямом: «Вот у вас везде Н. да Н., а он, между прочим, нашего баяниста развратил!»). И непрерывно со всеми судящуюся полусумасшедшую (тоже не в фигуральном значении, со справками) тетку, сначала настаивающую на встрече с министром здесь и сейчас, а через двадцать минут телефонного разговора кроющую меня матом, караулившую позже у выхода. Или фельетониста, не помню чем расстроенного (наверное, непризнанием — из-за чего еще может страдать человек пишущий?), грозящегося сочинить обличительный юмористический скетч и про меня, заматерелого чиновника.

Но были и приятные люди. Руководительницу мою боялись всем министерством: взрослые женщины, слышав стук ее каблучков в конце коридора, прятались у меня в кабинете в шкаф. По слухам, после совещаний в нашем ведомстве пару раз вызывали «скорую». Хотя министр выступала источником и моего постоянного стресса тоже, я все-таки ей всегда симпатизировала и внимала всему сказанному, открыв рот (личность эта интересная, даже выдающаяся, и достойна отдельного эссе, но не будем сейчас на нее отвлекаться).

Итак, посреди того праздника бюрократической мысли и вечных просителей, я как личный помощник делала все человечески возможное и пару раз поздними вечерами в отсутствие секретаря приносила чай для руководительницы и ее гостей. Кухня министра была отдельным царством, куда обычно путь мне был закрыт (по словам секретаря, невротической женщины за сорок, кто-то из предыдущих помощников, а они дольше чем на несколько недель не задерживались, часто подолгу засиживался на кухне, с тех пор это не приветствовалось). Я видела, как именно подавали чай, повторяла так же: чашка и на блюдечке татарская сладость чак-чак, сушеные абрикос, чернослив и шоколадные печенья «Грисби». Это были не какие-то банальные печеньки, а настоящие произведения искусства из Италии с тонкими, тающими во рту стенками, наполненные густой и вязкой шоколадной или шоколадно-ореховой пастой. И сейчас при мысли о них текут слюнки. Putting a long story short, как говорится, или переходя сразу к делу, при одном из таких заходов поздним субботним вечером на кухню министра я набрала полный рот печенек и взяла еще несколько с собой в кабинет в салфеточке. Сладость, стыд и удовольствие. Долго еще эти печеньки казались самым верным атрибутом роскошной жизни, и я чувствовала необъяснимое родство с тогдашним президентом региона, портрет которого как раз висел в моем кабинете. Он, по доверительным сведениям помощников и протокола, любым лакомствам на свете предпочитал сушки (как сформировалось это предпочтение, остается только догадываться).

И чтобы бесповоротно посвятить вас во все то, что может делаться с самыми непрогнозируемыми выражениями лиц и в идеально выглаженных пиджаках... Как-то раз министра другого ведомства принес детские новогодние подарки на выбор моему министру (почему-то конфеты для елок утверждала именно она). И... скажем так, наборы эти дошли до руководительницы в несколько сокращенном варианте. Постарайтесь меня понять: поздние часы, стресс, шоколад. Да и сама я была еще совсем ребенком, хотя и восседала в кожаном кресле с пальмой по левую руку и называли меня, как и всех там, по имени и отчеству.

А потом я уехала в Москву, изображать девушку одного гея перед его мамой и начинать карьеру в пиаре.